

Т.В.Романова
(Нижний Новгород, Россия)

КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА: РАБОТА НАД МЕТОДОЛОГИЧЕСКИМИ ОШИБКАМИ

Идея данного доклада родилась из практической потребности сформулировать/обобщить принципы анализа текста с когнитивной точки зрения. Очень часто то, что называют когнитивным анализом, сводится к аспектному: к коммуникативно-прагматическому, категориальному анализу текста. На сегодняшнем уровне развития лингвистики текста и когнитивной лингвистики представляется возможным сформулировать ряд методологических требований, обуславливающих когнитивный подход к анализу текста.

1. Когнитивный анализ текста предполагает не только и не столько самодостаточный речевой и языковой анализ, сколько анализ через речь и язык процессов восприятия (понимания) и продуцирования текста, что требует привлечения знаний о таких психических процессах, как память, воображение, чувственное восприятие и т.д.

Понимание есть проявление единой многоуровневой памяти: моторной, эмоциональной, образной, словесно-логической. Понимание текста при этом может измеряться, во-первых, построением проекции текста, во-вторых, уровнем выявления личностного смысла. Когнитивными опорами при восприятии и понимании текста являются ключевые слова, структурные опоры (сильные позиции, макроструктуры), опора на ситуацию порождения/восприятия текста. Кроме того, известно, что «понимание текста предполагает не только знание языка, но и знание мира» [Дейк 1989:87]. А поскольку «содержание, которое заложено в языковых единицах, отражает не только предметы, явления и отношения внешнего мира, но и их специфическое преломление в «речевых представлениях» говорящих и слушающих» [Бондарко 1996: 137], то интерпретация текста зависит, с одной стороны, от его адекватности отражённому фрагменту мира, с другой стороны, от фоновых знаний «говорящих и слушающих». Лингвистическим аналогом того и другого выступает пресуппозиция.

2. Когнитивный анализ текста, в первую очередь, это анализ концептуальной структуры текста.

Особого внимания на начальном этапе анализа текстовых концептуальных структур, ассоциированных с каким-либо словом, требуют текстовые лексико-грамматические группы, разворачивающиеся вокруг имени концепта как центра субъективного “конденсата смысла” и дающие возможность восстановить некоторый “узел” в тезаурусе личности и соответствующий ему фрагмент индивидуальной картины мира. Концептуальная структура текста в ее тезаурусном представлении включает лишь элементы композиции, находящиеся в сильной позиции, выделяющиеся на фоне ментального пространства текста (рематическая позиция, позиция повтора и др.). Нередко

сильные позиции являются одновременно автосемантическими, и так же, как автосемантические отрезки, они тяготеют к началу и концу текста. По существу можно назвать только один текстовый знак, который присущ всем текстам и всегда занимает в них одно и то же место, образуя сильную позицию, **заголовок** [Лукин 1994: 59]. Начало текста и заголовок – точка отсчета понятийного цикла и потому предмет особого внимания, ключ к концептуальной структуре произведения.

А. Вежбицкая вводит термины **концепт-минимум** и **концепт-максимум**. **Концепт-минимум** – это неполное владение смыслом слова, присущее рядовому носителю языка. **Концепт-максимум** – это полное владение смыслом слова, свойственное рядовому носителю языка. Если перенести это на концепт-заголовок, то концепт-минимум – это содержание и объем концепта-заглавия на входе (до чтения), концепт-максимум – на выходе (после чтения). “Концепт – исходная точка семантического наполнения слова (з а г л а в и я – Т.Р.) и одновременно – конечный предел развития” [Колесов 1992: 34]. Название – компрессия концептуального смысла текста, Название – компрессия концептуального смысла текста, оно определяет стратегию текста, тактикой, раскрывающей, как пружина, данный концепт, является модально-оценочная семантика. Средством выявления концептуального содержания служит анализ мотивационно-прагматических установок автора (речевых тактик и стратегий), определяющих динамику формирования концептуальной структуры текста; определение когнитивной структуры/ формата знания, который лежит в основе формирования заголовочного концепта рассматриваемого текста (прототип, схема, фрейм, сценарий, образ, символ и т.д.).

Когнитивная интерпретация требует, к примеру, анализа смысловых опор в познавательной деятельности читателя, смысловой структуры текста, процесса интеграции концептуальных признаков, взятых в отвлечении от языкового способа их выражения; анализа процесса формирования содержания и объёма концепта в читательском сознании; учёта не только знаний о языковых значениях и умения считывать косвенные значения, но и фоновых знаний и состояния читателя. Когнитивный метод – это **анализ процесса или сам процесс кодирования и декодирования** смысла текста. В соединении с текстоцентрическим подходом – выявление **глубинного** смысла, свёрнутой смысловой структуры текста, являющейся воплощением интенции и – через неё – мотива текстопорождающей деятельности автора и читательского восприятия.

3. Методологической ошибкой является неразличение, совмещение, подмена концептуального анализа семантическим, когда анализируется не концепт как формат знания, «переживаемое понятие», его структура, содержание, процесс формирования, а значение языковой единицы, семно-семемная структура слова, называющего концепт. Такая компиляция или замена часто происходит и при анализе текста. В то же время нам представляется неверным утверждение о несовместимости семантического и когнитивного (концептуального) анализа. Важнейшим этапом лингвокогнитивного анализа является когнитивная интерпретация результатов

описания семантики языковых единиц: именно на этом этапе языковые данные «переводятся» в когнитивные, что позволяет приступить к моделированию концепта. Таким образом, концептуальный анализ, включающий различные методики, используемые в когнитивной лингвистике, является логическим продолжением традиционного семантического анализа. Семантический анализ представляет исследователю тот материал, который подлежит дальнейшей аранжировке в составе концептуальной модели: концептуальные признаки объективируются в семантических признаках.

4. Невербализованный подтекстовый смысл возникает/формируется на глубинном уровне текста и выявляется на основе феноменов аллюзивности, прецедентности, интертекстуальности.

При анализе интертекста важны прежде всего два вопроса: какие сигналы указывают на авторскую аллюзию? Каким образом используются в позднейшем тексте воспроизводимые им черты предтекста (текста-интерпретанты).

Интерпретация интертекстового содержания концепта осуществляется путем: определения интенционала, импликационала, экстенционала, прагматического значения понятия-концепта, вынесенного в сильную позицию текста, в тексте-интерпретанте, данном тексте и интертексте (структурируемом в сознании читателя-интерпретатора); выявления актуальных позиций для концептуальных знаков; выявления авторских речевых тактик и стратегий, определяющих динамику формирования концептуальной структуры текста; сравнения языкового содержания заглавного концепта и авторских мотивационно-прагматических установок в тексте интерпретанте и анализируемом (данном материально) тексте. Дальнейшая интерпретация содержания концепта предполагает привлечение междисциплинарной, общекультурной информации и не собственно языковых методик анализа ментальных пространств. Анализ концептуальной структуры текста в целом требует выявления иерархической организации концептов, составляющих концептуальную структуру, и взаимосвязи и взаимообусловленности ее элементов.

5. Анализ текста с когнитивной точки зрения предполагает учёт соотношения содержания понятий текст – дискурс – интертекст – гипертекст – сверттекст.

Представим фрагмент анализа концептуальной структуры текста на примере одной из последних глав книги В. Астафьева “Последний поклон” – “Забубенная головушка” [21].

Заголовочный модально-оценочный концепт представляет собой метонимическую метафору. Метонимические обозначения человека названиями частей тела (“... совсем ошалевши от всего, **свалившегося на мою голову** [= на меня] с закрашенными сединами...” – В. Войнович; *Он – голова* [= умный]; *Уйти с головой*; *Сложить голову*; *С больной головы на здоровую* и т.д.) и связанные с ними коннотации представляют известный интерес для выяснения национальной специфики образа человека [22, с.43]. В русской культурной традиции с *головой* ассоциируется ряд значений и коннотаций, располагающихся между двумя полюсами. Один из них – положительный:

Голова! (оценка ума, сообразительности); ФЕ *Сам себе голова*; *Свежая голова*; *Светлая...*; *Удалая...*; *Умная...*); “*масла*” в его *голове* хватит любой документ *обмозговать*; для укрепления *коры мозга* (В. Астафьев). Отрицательная коннотация связывает с головой отнюдь не мыслительную функцию и даже не руководящую роль, а образ стихийно-неразумного человека, необязательного, безответственного, поведение которого объясняет часто и влиянием винных возлияний: *потерять голову*, *бедовая голова*, *дырявая голова*, *еловая...*, *садовая...*, *шалъная...*, *победная головушка* [22, с.43]; “*и в головах мусор*” (В.Астафьев).

Толкование ФЕ *Забубенная головушка (голова)* дадим по “Словарю русской фразеологии” А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степановой [23].

Прост. неодобр. О бесшабашном, разгульном, отчаянном человеке.

1. Значение оборота связано с сущ. *бубен...* Прил. *забубенный*, возникшее, вероятно, на базе словосочетаний *взяться за бубен*, *приняться за бубен*, могло первоначально означать “проводящий время за бубном; взявшийся за бубен, чтобы веселиться”. Позже слово приобрело значение “разгульный, беззаботный, буйный”. Им стали обозначать признаки предметов и явлений, имеющих отношение к застолью...

Присоединение к слову *голова* в значении “человек как носитель каких-л. качеств” прил. *забубенный* “бесшабашный, отчаянный, удалой, разгульный”, “пропащий, негодный, дурной” и обусловлено появлением оборота *забубенная головушка (голова)*...

2. Слово *забубенный* связано с деятельностью древних русских актерско-коморохов, которые пели под бубен песни и разыгрывали сценки сатирического характера, направленные против бояр и церкви. Этим отчаянным людям и могли называть *забубенная головушка*. Позднее это выражение могло ассоциироваться с картежниками (на старинных русских игральных картах были не ромбы, а *бубенчики*, т.е. бубновая масть), а со второй половины XIX века – с каторжниками, у которых были красные или желтые ромбы на спине...

3. Значение оборота выводится на основе связи прил. *забубенный* и сущ. *забубены* – забобоны “вздор” (ср. диал. бобыч “бестолковый человек”, с.-х. бобонити “тупеть”). Предполагается при этом, что изменение значения произошло под влиянием названия метки на одежде арестанта – “бубнового туза”...

В тексте концепт-название связан своими составляющими со всеми приводимыми в словаре версиями происхождения фразеологизма *забубенная головушка*. См. текст:

Папа от рождения был артистом и, пройдя такой массовый тюремный театр, вовсе перестал ощущать жизнь “в натуре”, заигрывался порой до умопомрачения, и все ведь со смыслом, все, как ему казалось, кому-то потрафляя... (21, с. 48).

Удивил папа и Ярцево, большое село, - покуролесил вдосталь, денежки все прокутил, подарки отчего-то не вручил, потерял или пропил – кто знает, обманул сына, сказав, что на обратную дорогу “тот деляга” – это, значит, я – денег не дал. “Откуль ему набратся на всех на нас денег-то, ты уж давай

подзайми или как”. Тогда же, вдруг вспомнив про дочь Галю, собрался было двинуть в любимое Заполярье, в Игарку, но уже от долгого оглушительного **пьянства** заалел папа, обострился его вечный спутник - псориаз. (21, с. 49).

Годы минули, **жизнь** папина **прокатилась** по земле, он ее почти и **не заметил**. Сидит вон в гудящем самолете, клюет носом с тяжкого похмелья и не до конца понимает, куда опять, зачем влечет его **бурная судьба**, да и **понимать не хочет, не приучен он отвечать за себя и за кого-либо**.

... **Не крестясь, не прочтя ни одной молитвы**, навсегда простился с близким человеком. **До самой смерти он оставался неприкайным безбожником, да и молитвы он давно все перезабыл**. (21, с. 59).

Но был он **непобедимый жизнелюб**; измазав пяток баночек вазелина на кожу, отмякал, отходил, не пил какое-то время – болезнь, струпиями сходя с кожи, отступала, и он **забывал о недавно перенесенных страданиях**. Папа снова начинал глядеть вдаль, за реку, и придумывать, как ему смыться из дому, чего еще **продать, променять на выпивку**. **Желания и страсти всегда были выше его воли, беспокойность, егозливость характера губили его жизнь. И кабы только его!** (21, с. 51).

... – **Не надо мне никакой операции, - оставшись со мной наедине, провел “мужицкий разговор” папа. – Наступил конец моему пределу. – Подышал, отвернулся к стене и как бы сам себе молвил: - Хватит с меня хворей, больниц, тюрьмы, лагерей, скитаний...**

Без сознания он был совсем недолго и умер во сне от распространенного ныне среди пьющих наших мужиков недуга – цирроза печени. **Легко жил человек. Нетрудно в отличие от других моих родичей ушел в мир иной**. (21, с. 61).

ЛСП с доминантой забубенная головушка включает в себя следующие компоненты. Синонимический ряд слов, обозначающий главу семьи (*отец, родитель, тятя, папа, дед*); тематическую группу слов с предметным значением “театр” (*театр, артист, “заигрывался, до умопомрачения”, безбожник* имплицитно “нехристь”, грешник, обманщик, “мог обмануть самую надувательскую систему, даже самого Сталина надуть”); носит плохую одежду, “чтобы всем было видно, как бедному-пребедному старику живется”; ЛСП глаголов “бесшабашных”, разгульных действий (*заигрывался, покуролесил, потерял, пропил, обманул, не заметил (жизнь прокатилась), понимать не хочет, не приучен отвечать (за себя и за кого-либо), (молитвы) перезабыл*); оценочный ряд контекстуальных синонимов (*непобедимый жизнелюб; забывал о недавно перенесенных страданиях; желания и страсти всегда были выше его воли; беспокойность, егозливость характера; неприкайный безбожник; легко жил человек; бурная судьба*) “куролесил раздольной жизнью” (жизнь не за решеткой), ср. жарг. “бубенить” – куролесить, шуметь, кричать”; *горькая головушка, забубенная головушка, “в голову ранен на войне*”; тематическую группу “беда” (*хвори, ‘заалеть’ – красный цвет “бубны”, пьянство, псориаз, больницы, тюрьмы, лагеря, скитания, шатучая земля, взбаламученный мир – (20, с.62)*). Авторская оценка, присутствующая в структуре концепта, бинарна. Во-первых, это сожаление,

сочувствие (*губили его жизнь; и кабы только его!*), что связано и с родством (глава об отце), и с судьбой персонажа (см. тематическую группу “беды”), во-вторых, отрицательная оценка, укор, упрек (*понимать не хочет, не приучен он отвечать за себя и за кого-либо; До самой смерти он оставался неприкаемым безбожником, да и молитвы он давно все перезабыл; Легко жил человек; Времени и сердца на нас, детей твоих, у тебя не хватало* (21, с. 62)). Но к данным оценкам присоединяется еще ряд оценок: *миленький, пылкий, моложавый, добрый молодец, новоявленное чудо, редкостный дед, маленький, ветреный, больной, пьяненький, болтливый, срамной на слово, мужичонка, чудо, большой выпивоха*. Таким образом, рассматриваемый концепт в предметно-логическом и модально-оценочном содержании в данном тексте полифоничен. Категоризация объекта описания связана не столько с определением его границ, сколько с выбором одного слова из целого ряда возможных для его обозначения. Так, концептуален выбор слова *головушка* (в сравнении с “*голова*”), суффикс ушк – оценочный, выражающий *жалость* и *любовь*.

Голова как средоточие рационального начала в человеке соотносится в языковой картине мира с **сердцем** как вместилищем эмоций и чувств. Они могут действовать несогласованно (*Ум с сердцем не в ладу*), могут противопоставлять друг другу (*Ума нет, а сердце есть*), но в русском языковом менталитете **сердце** важнее **голова**: “... *сердца на нас, на детей твоих, у тебя не хватило*” (“*есть сердце*”, “*хватает сердца*” – способность любить, жалеть, заботиться и т.д.); “нет сердца”, “не хватает сердца” – отрицательная характеристика.

В заключение можно сказать, что в основе формирования концепта “Забубенная головушка” в данном тексте лежит понятие прототипа, в качестве которого выступает образец, характерный пример, частная модель. Заглавный концепт “Забубенная головушка” на входе (концепт-минимум) организует структуру текста с концептуальным центром “человек” и следующим синтагматическим распространением: *бесшабашный, отчаянный, разгульный, пропавший*. На выходе (концепт-максимум) он прирастает концептуальными признаками: *артист, безбожник, безответственный, жизнелюб, виноватый, много переживший*; модально-оценочной интерпретацией: *сочувствие, любовь, благодарность, укор, упрек, чувство вины*. Родовое понятие, выраженное ФЕ *забубенная головушка*, конкретизируется понятием *отец*.

Литература

Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996.

Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

Колесов В.В. Концепт культуры: образ – понятие – символ// Вестник СПбГУ. Серия 2. Вып.3(№16), 1992. С.30-40.

Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа: Учебник для филологических специальностей вузов. М., 1994.

Примечания

1. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX-XX вв.). СПб., 1999.
2. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
3. Долинин К.А. Интерпретация текста: (Фр. яз.) Учебное пособие для студентов. М., 1985.
4. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
5. Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в период двоеверия. М., 1993.
6. Weirzbicka A. Lexicography and conceptual analysis. Ann Arbor, 1985.
7. Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология // Язык и наука конца 20-го века: Сб. статей. М., 1995. С.74-117.
8. Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога (концепт, категория, прототип) // НТИ, сер.2. Информационные процессы и системы, 1992. №3, С.1-9.
9. Краткий словарь когнитивных терминов. Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996.
10. Колесов В.В. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестник СПбГУ. Серия 2. Вып.3 (№16), 1992. С.30-40.
11. Стернин И.А. Может ли лингвист моделировать структуру концепта // Когнитивная семантика: Материалы Второй Международной школы-семинара по когнитивной лингвистике, 11-14 сент. 2000 г. /Отв. ред. Н.Н. Болдырев. В 2 ч. Ч.2. Тамбов. Изд-во Тамб. ун-та, 2000. С.13-17.
12. Красных В.В. От концепта к тексту и обратно // Вестник Московского университета. Сер. 9 (Филология), 1998. №1. С. 53-71.
13. Брудный А.А., Шакуров Э.Д. Мир общения. Фрунзе, 1977.
14. Романова Т.В. О содержании понятия *концепт текста* // Функциональная лингвистика. Язык. Культура. Общество. Материалы конференции. Ялта, 9-14 октября 2000 г. Симферополь, CLC, 2000. С. 296-300.
15. Сергеева Е.В. Проблема интерпретации термина “концепт” в современной лингвистике // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX-го в. СПб., 1998. С. 126-129.
16. Лукин В.А. Концепт истины и слово истина в русском языке. (Опыт концептуального анализа рационального и иррационального в языке) // Вопросы языкознания, 1993. №4. С.63-86.
17. Фархутдинова Ф.Ф. Взглянуть на мир сквозь призму слова: Опыт линвокультурологического анализа русскости. Иваново, 2000.
18. Шенк Р. Обработка концептуальной информации. М., 1980.
19. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
20. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа: Учебник для филологических специальностей вузов. М., 1999.

21. Астафьев В. Забубенная головушка. Из книги “Последний полон” // Новый мир, 1992. №2. С.44-63.
22. Арутюнова Н.Д. Человек и “фигура” (анализ понятий) // Филологический сб. (К 100-летию со дня рожд. ак. В.В. Виноградова). М., 1995. С. 34-46.
23. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 1998.